

Плоский мир

TERRY PRATCHETT

Pyramids

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПИРАМИДЫ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett
PYRAMIDS

Copyright © Terry & Lyn Pratchett 1989
First published by Victor Gollancz Ltd, London

Иллюстрация на обложке художника *Дж. Кирби*

Пратчетт, Терри.
П68 Пирамиды / Терри Пратчетт ; [пер. с англ.
В. Симонова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-097487-0

Твой отец — фараон. А ты отправляешься учиться в сам Анк-Морпорк постоянной работе с людьми, разрешению сложных вопросов, устранению лишних проблем... профессии наемного убийцы.

Плоский мир во всем великолепии: четыре слона, Великий А'Туин, вселенская черепаха и безумные обитатели Диска.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© В. Симонов, перевод
на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-097487-0

Книга I

КНИГА ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД

Звезды усеяли беспросветную тьму — словно Создатель, разбив ветровое стекло своего автомобиля, не позаботился остановиться и убрать осколки.

Это пропасть между вселенными, холодные раселины пространства, где не встретишь ничего, кроме шальной молекулы, заблудших комет и...

...Но кольцо тьмы потихоньку сдвигается, глаз вновь ощущает перспективу, и то, что раньше казалось внушающей благоговейный трепет звездной бездной, превращается в лежащий под покровом тьмы мир, а звезды — в огни того, что с большой натяжкой можно назвать цивилизацией.

Ибо неспешно скользящий куда-то вниз мир есть не что иное, как Диск, ровный, круглый, который плывет сквозь пространство на спинах четырех слонов, что стоят на панцире Великого А'Туина, единственной черепахи, фигурирующей в диаграмме Хертцшпрунга — Рассела, на панцире длиной в десять тысяч миль, запорошенном ледяным крошевом погибших комет и покрытом вмятинами от метеоритов. Никто не знает изначальной причины этого

явления — быть может, потому, что причинам этим несть числа.

В мире, покоящемся на спине такой черепахи, может происходить много загадочного и странного.

Собственно, уже происходит.

Звезды внизу — это разведенные на привалах в пустыне костры и огоньки далеких деревень в покрытых лесом горах. Маленькие городки напоминают расплывчатые туманности, города побольше — обширные скопления звезд; огромный, раскинувшийся во все стороны двуединый город Анк-Морпорк сияет ослепительно, подобно столпотворению галактик.

Вдалеке от крупных населенных центров, там, где волны Круглого моря взбегают на берег пустыни, протянулась узкая полоса холодного синего огня. От языков пламени, что с ревом рвутся в небо, веет адской стужей. Призрачные огоньки вспыхивают то тут, то там в пустынных просторах.

В древней долине Джели вспыхивают среди ночи могучие пирамиды.

Энергия, источаемая их остроконечными, уходящими в космос вершинами, в нижеследующих главах прольет свет на многие чудеса, а в частности: почему черепахи ненавидят философию, почему козам вредно чересчур увлекаться религией и чем *на самом деле* занимаются наложницы.

Кроме того, этот свет обязательно прояснит, что бы подумали наши предки, доживи они до сегодняшнего дня. Почему-то нас всегда волнуют наши предки. Пришлось бы им по вкусу современное общество? Изумились бы они сегодняшним дости-

жениям? Но во всех этих вопросах отсутствует фундаментальность. «Почему здесь так темно?» — вот о чем в первую очередь подумали бы наши предки, доживи они до сегодняшнего дня.

Над прохладой речной долины забрезжила заря, и верховный жрец Диос открыл глаза. Многие ночи он провел бодрствуя, даже не мог вспомнить, когда спал в последний раз. Сон был слишком похож на то, иное состояние. Диосу было достаточно просто лежать — по крайней мере, лежать здесь. Яд усталости, подобно всему прочему, утратил свою силу. На какое-то время.

Впрочем, «какое-то время» все длилось и длилось.

Диос спустил ноги с плиты, служившей кроватью в его тесном обиталище. Почти машинально, следуя приказу рассудка, он правой рукой схватил обвитый двумя змеями посох — атрибут верховного жреца. Сделал на стене еще одну зарубку, затем облачился в свои одежды и побрел по коридору, меж тем как слова молитвы, обращенной к Новому Солнцу, сами собой складывались в уме. Ночь была позабыта, впереди его ждал долгий день. Предстояло дать людям немало заботливых советов и наставлений — для Диоса вся жизнь заключалась в служении.

Нельзя сказать, чтобы его спальня была самой необычной на свете. Самым необычным было то, что из нее навстречу заре выходил живой человек.

Солнце тяжело катилось по небосводу.

Люди постоянно ломают головы над тем, как и почему оно движется. Некоторые полагают, что светило катит перед собой огромный навозный жук.

Конечно, этому объяснению не хватает технической точности и обоснованности, однако, как в дальнейшем покажут обстоятельства, в качестве гипотезы его принять можно.

Проделав свой путь без особых неприятностей¹, светило стало опускаться за горизонт, и один из его гаснущих лучей, проникнув в окно некоего дома в Анк-Морпорке, вспыхнул, отразившись в зеркале.

Зеркало было высокое, в человеческий рост. Все убийцы непременно обзаводятся такими, потому что нет более страшного оскорбления для человека, чем убить его, не будучи безукоризненно одетым.

Теппик окинул себя критическим взглядом. За экипировку пришлось выложить все до последнего пенни. Тяжелые складки черного шелка мягко шуршали при каждом движении. Красота!

По крайней мере, голова хоть не так болит, как утром. На протяжении всего дня каждое усилие давалось ему с невероятным трудом, и он боялся, что придется приступить к делу, а пурпурные точки бьют все так же мелькать перед глазами.

Теппик со вздохом открыл черную шкатулку и, достав перстни, нанизал их на пальцы. В другом ларце хранился набор ножей с воронеными лезвиями из клатчской стали. Вытаскивая из бархатных мешочков сложные, хитроумные приспособления, Теппик рассовывал их по карманам. В специальные ножны в сапогах он вставил две метательные тлинги с длинными лезвиями. Опясался поверх кольчуги тонким шелковым шнуром, к которому был привя-

¹ Таких, как быть закопанным в песок, куда потом откладывают яйца те самые навозные жуки.

зан абордажный крюк. Духовую трубку на кожаной перевязи он закинул за спину, под плащ, затем сунул в карман изящную латунную коробочку с набором всевозможных дротиков: острые концы прикрыты пробковыми колпачками, на рукоятках выгравированы специальные знаки, чтобы в темноте легко можно было найти нужный дротик.

Нахмурившись, Теппик проверил острие своей рапиры и перекинул ремень ножен через правое плечо: с левого свисал ягдташ с пращами и свинцовыми шариками. После некоторого раздумья он выдвинул ящик платяного шкафа и достал оттуда арбалет, фляжку с маслом, связку отмычек и, подумав еще чуть-чуть, добавил к арсеналу стилет, сумку с несколькими мотками колючей проволоки и медный кастет.

Проверил подкладку шляпы: там был спрятан моток провода. Лихо надвинув шляпу на лоб, Теппик последний раз удовлетворенно посмотрел на себя в зеркало и резко повернулся на каблуках.

Лето было в самом разгаре. Впрочем, в разгаре — это еще мягко сказано. В Анк-Морпорке пахло паленым.

Великая река превратилась в ручеек вулканической лавы, разделивший почтенный Анк и лежащий на противоположном берегу Морпорк. В отличие от Анка Морпорк считался местом крайне малопочтенным. Едва ли можно было добавить хоть еще одну ложку в эту бочку дегтя. Даже прямое попадание метеорита пошло бы Морпорку только на пользу.

Большая часть речного русла, высланная засохшей, потрескавшейся грязью, напоминала пчелиные соты. Солнце казалось огромным медным гонгом, намертво приколоченным к небу. Неумолимый жар, иссушивший реку, раскалил город добела — согнул древние стропила зданий и обратил привычную жидкую грязцу улиц в летучие вихри охристой пыли.

Анк-Морпорку такая погода совершенно несвойственна. По природе своей это город туманов и морозящих дождей, вечно скользящих и простуженных прохожих. Теперь же, раскинувшись посреди выжженной, испепеленной равнины, он походил на одышливую жабу, взгромоздившуюся на раскаленный кирпич. И даже сейчас, когда время близилось к полуночи, удушливый жар не спадал, окутывая улицы горячим бархатным ворсом, сжигая бездыханный воздух.

Издавека, оттуда, где высился северный фасад Гильдии Убийц, донесся легкий щелчок — словно распахнулась оконная рама.

Итак, вот *она*.

Вот она — та самая ночь.

Если на экзамене попадешь к старику Мерисету, говорили все, шансов у тебя один против ста — можешь сразу делать себе хакакири.

В спальнях не стихали слухи о Мерисете — о числе совершенных им убийств, о поразительных технических приемах... В свое время он побил все рекорды. Поговаривали даже, что это он убил патриция Анк-Морпорка. Нет, не нынешнего. Одного из покойных.

По четвергам Мерисет вел у Теппика теорию стратегии и ядов, и отношения ученика и преподавателя, мягко говоря, не сложились.

Но экзаменатором мог оказаться и Найвор — жизнерадостный толстяк, любитель поесть, читавший, тоже по четвергам, искусство расставления ловушек и капканов. По части ловушек Теппик был большой мастер, и с Найвором они ладили. Или это мог быть Грав де Йойо, который преподавал современные языки и музыку. Ни в одном из этих предметов Теппик не блистал, но Грав был тонким педагогом, зодчим человеческих душ и симпатизировал юношам, разделяющим его страсть — часами висеть над городскими улицами, уцепившись одной рукой за карниз.

Теппик перекинул ногу через подоконник, отмотал кусок бечевы с крюком на конце и, зацепившись за водосток двумя этажами выше, скользнул вниз.

Ни один уважающий себя убийца ни за что на свете не воспользуется лифтом.

Дабы рассказ наш не утратил связности, пора упомянуть, что в этот же самый момент величайший математик за всю историю Плоского мира безмятежно возлежал за ужином.

Небезынтересно также отметить, что благодаря неким особым личностным качествам математик за ужином ел то, что подавалось к обеду.

Звуки гонгов, разнесшиеся над неуклюжей громадой Анк-Морпорка, возвестили полночь. Теппик карабкался вдоль украшенного резьбой парапета,

что на четвертом этаже одного из зданий по Филигранной улице, и сердце его гулко билось в груди.

Неподалеку, в последних отблесках заката, он различил четкие очертания человеческой фигуры. Притаившись за самой омерзительной на вид горгульей, украшающей водосток, Теппик задумался.

Авторитетные слухи, ходившие по классу, утверждали, что если он устроит погребение экзаменатору до испытания, то экзамен будет зачтен автоматически. Теппик вытащил метательный нож номер три и задумчиво взвесил его на ладони. Разумеется, неудачное покушение, любой неверный ход незамедлительно обернутся провалом и полной утратой привилегий¹.

Фигура в отдалении не шевелилась. Взгляд Теппика скользил по бесконечным дымовым и вентиляторным трубам, горгульям на водостоках, висячим мостикам и лестницам, составляющим декорации верхней сцены города.

«Ну конечно, — подумал Теппик. — Наверняка это уловка, манекен. Провокация, чтобы я напал, а значит, Мерисет притаился где-то рядом.

Неужели мне удастся перехитрить его? Маловероятно.

С другой стороны, может, он и рассчитывает на то, что я решу, будто это манекен? Если, конечно, и этот ход им не просчитан...»

Теппик заметил, что непроизвольно барабанит пальцами по макушке горгульи, и мгновенно вну-

¹ И прежде всего — привилегии дышать.

тренне собрался. Какие действия логичнее всего предпринять в данном положении?

Далеко внизу в пятне фонарного света мелькнула какая-то загулявшая компания.

Теппик вложил оружие в ножны и выпрямился.

— Сэр, — сказал он, — студент явился для прохождения экзамена.

— Отлично, — довольно невнятно произнес бесстрастный голос.

Теппик устремил взгляд вперед. Смахивая пыль с впалых щек, перед ним возник Мерисет. Вынув изо рта кусок трубы, он отшвырнул его в сторону и достал из-за пазухи небольшую дощечку. Даже в такую жару он был укутан с ног до головы. Мерисет относился к числу людей, способных замерзнуть в кратере вулкана.

— Так-так, — произнес он голосом, в котором звучало нескрываемое неодобрение. — Неплохо, господин Теппик, неплохо.

— Чудесная ночь, сэр, — сказал Теппик.

Экзаменатор холодно взглянул на него, давая понять, что следующее замечание насчет погоды неминуемо обойдется в минус балл, и что-то отметил на доске.

— Для начала — несколько вопросов.

— Как вам угодно, сэр.

— Чему равна максимальная длина метательного ножа? — прокрипел Мерисет.

Теппик закрыл глаза. Всю последнюю неделю он читал исключительно «Основы ножеметания» и теперь испытывал танталовы муки: страница, смутная и недосыгаемая, плавала где-то рядом — преподава-

тели никогда не спрашивают про длину и вес ножей, со знающим видом утверждали студенты постарше, они думают, что длину, вес и траекторию ты знаешь наизусть, а потому никогда...

Панический ужас раскалил мозговые извилины и заставил шестеренки памяти крутиться с бешеной скоростью. Наконец страница попала в фокус.

— Максимальная длина метательного ножа может равняться десяти пальцам при нормальной и двенадцати при повышенной влажности, — без запинки отчеканил он. — Расстояние, на которое производится метание...

— Назовите три яда, которые применяются путем внутриушного вливания.

Подул ветерок, но прохладнее не стало, жар всколыхнулся и вновь неподвижно застыл.

— М-м... Осиный воск, сэр, ахорийский пурпур и мастика, сэр, — отбарабанил Теппик.

— А как же спайм? — прошипел Мерисет, словно змея, готовая к броску.

Теппик застыл, раскрыв рот. Несколько мгновений он лихорадочно пытался вспомнить ответ, одновременно стараясь избежать буравящего взгляда мучителя.

— Н-но... спайм — это не яд, сэр, — наконец выдал он. — Это крайне редкое противоядие против яда некоторых змей, которое добывается... — Он перевел дыхание и продолжил несколько более уверенно (не зря же он корпел все эти дни над старыми словарями): — ...Которое добывается из печени мангусты, обитающей...

— Что означает этот знак? — перебил Мерисет.

— ...Обитающей... — растягивая слоги, повторил Теппик.

Он мельком взглянул на замысловатую руну, которая изображалась на карточке в руке Мерисета, затем вновь устремил взгляд вперед, за спину экзаменатора.

— Не имею ни малейшего представления, сэр, — сказал он, краешком уха уловив чуть слышное довольное ворчание. — Однако, сэр, если ее перевернуть, — продолжал он, — то получится воровской знак, предупреждающий о том, что в доме злая собака.

На миг воцарилась абсолютная тишина. Затем, где-то в районе его плеча, вновь раздался голос старого убийцы:

— Каким категориям разрешено пользоваться удавкой?

— Но, сэр, по правилам положено только три вопроса, — запротестовал Теппик.

— Это можно считать вашим ответом?

— Нет, нет, сэр. Просто так, мысли вслух. Сэр, ответ, которого вы ждете, таков: носить при себе удавку могут все, но только убийцам третьего разряда позволено использовать ее как одно из трех возможных решений.

— Вы уверены?

— Да, сэр.

— Подумайте хорошенько, — голос экзаменатора стал таким масляным, что, казалось, им можно смазать целый железнодорожный состав.

— Мой ответ правильный, сэр.

— Что ж, прекрасно...